

VII

Сношенія патріарха Хрисанѳа съ русскимъ правительствомъ.

Преемникомъ Досифея на іерусалимской патріаршей кафедрѣ сдѣлался его родной племянникъ Хрисанѳъ, ранѣе два раза, въ качествѣ посла Досифея, побывавшій въ Москвѣ и потому хорошо уже извѣстный московскому правительству.

Отъ 17 Марта 1707 года новопоставленный патріархъ Хрисанѳъ прислалъ государю извѣстительную грамоту о смерти своего дяди Досифея и о своемъ поставленіи на Іерусалимскій патріаршій престолъ. Въ ней онъ писалъ: „настоящаго писанія причина есть донести высочайшему вашему самодержавному святому величеству, что, яко же мню, и отъ иныхъ донесено давно царскимъ вашимъ ушесамъ (да будетъ же здравіе и долгоденствіе священнѣйшей и самодержавной вашей главѣ), сирѣчь отъ привременныхъ въ вѣчное блаженство преставленіи истинно блаженнѣйшаго, всесвятѣйшаго и премудраго патріарха св. града Іерусалима господина, господина Досифея, дяди моего, богомольца теплаго и раба всегдашняго и мыслію и сердцемъ и душою вашего боговѣнчаннаго царскаго величества, которое дѣло, уповаю, опечалило и благоуробнѣйшее сердце святыхъ вашей державы, понеже былъ оный, приснопа-

мятный, въ любви и благоговѣніи вашей милости, понеже и блаженство его преклоняше колѣна его, моляся къ Богу и Отцу о жизни, побѣдѣ и благоденствіи самодержавнаго вашего святаго величества, и вовремя болѣзни его, даже и до послѣдняго его воздыханія, молитвы возсылалъ Господу нашему І. Христу паки о здравіи и на враги побѣдѣ вашей. Почти убо о Господѣ величайшее блаженство его въ 7 день прошедшаго Февраля мѣсяца, болѣзновалъ отъ претяжка катара 15 дней и погребенъ здѣ (т. е. въ Константинополѣ, откуда Хрисанѳъ и пишетъ государю) благолѣпно въ единой церкви, именуемая Св. Параскевы. А между болѣзнованіемъ его, цѣль имѣя разумъ, повелѣлъ что надобно было ко управленію апостольскаго престола, о которомъ зѣло трудился, яко же и о всей восточной и апостольской церкви, а большее и съ бѣдою и самаго живота своего“. Затѣмъ Хрисанѳъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ совершилось его собственное избраніе и поставленіе въ патріархи. „А по скончаніи его (Досифея), разсказываетъ онъ, понеже не належало (яко же знаетъ богосвященная душа святаго вашего царствія) что бѣ не былъ апостольской престолъ безъ правителя, учинивъ приговоръ правильный, подѣ председательствомъ всесвятѣйшаго, почтеннѣйшаго вселенскаго патріарха и священнаго и святаго собора при немъ, и въ то время прилучившихся монаховъ и братіи всесвятаго Гроба и всему причту, общемою мыслію, а наипаче по повелѣнію онаго во блаженномъ успеніи, судьбами, ими же вѣсть всѣхъ Богъ, возведенъ я на апостольскій и святѣйшій патріаршій престолъ святаго града престола, въ которомъ возведеніи, дабы не слѣдовалъ какой соблазнъ и возмущеніе, а потомъ убытокъ св. Гроба, зѣло радѣли — высочайшій и христіолюбивый господарь мунтянскій,

вѣрнѣйшій, усерднѣйшій и истиннѣйшій рабъ святыхъ вашей державы, такъ что, еслибы небыло помощи высочества его, учинилось бы великое возмущеніе и было бы убытку втрое и вчетверо противъ того, что стало, за не и до отшествія отъ сего свѣта онаго блаженнѣйшаго превеликаго патріарха, писалъ высочество его всесвятѣйшему и достопочтенному вселенскому патріарху и къ другимъ лицамъ, которые имѣютъ мочь у здѣшной порты, зане, по представленіи блаженнаго дяди моего, иной да невозведется на патріаршескую сію власть, кромѣ кесарійскаго (т. е. Хрисанеа, который былъ предъ избраніемъ въ патріархи кесарійскимъ митрополитомъ). Повелѣлъ такожде и здѣшнимъ господамъ своимъ, чтобъ предстательствовали о семъ дѣлѣ прилежно, что бы получило полезное окончаніе, какъ и учинилось Божіею милостію; но какъ учинилось возведеніе и воспріялъ онъ о томъ вѣдомость, паки со усердіемъ великимъ представилъ меня чрезъ писанія свои ко всякой персонѣ, гдѣ належало, и такимъ способомъ мирно окончилось сіе дѣло. Возведеніе учинилось здѣсь въ апостольскомъ и патріаршескомъ константинопольскомъ престолѣ, понеже ради случаевъ времени невозможно было ѣхать мнѣ во св. градъ Іерусалимъ, чтобъ было посвятиться отъ своего тамошняго святаго собору, которое такъ учинилось и когда совершилось возведеніе и онаго блаженнаго памяти“. Затѣмъ Хрисанеъ опредѣляетъ тѣ отношенія, въ какія онъ желалъ бы стать къ русскому правительству и самому государю. „И такъ благополучнѣйшій и священнѣйшій превеликій самодержецъ, пишетъ Хрисанеъ, учинился наслѣдникъ святѣйшаго престола патріаршаго давно знаемый и вѣрный рабъ и теплый богомолецъ божественнаго вашей державы, и молю колѣнопреклонно

дабы имѣть изволилъ меня въ царской своей милости въ христолюбивомъ милосердіи и во оборонѣ своей, зане и я на всякое время обрѣтаюсь и молитвенникъ теплый вашего царскаго величества и рабъ вѣрный, яко же былъ и блаженнаго памяти дядя и государь мой, а наипаче и съ большею должностію, понеже сподобилъ царствующихъ Царь и поклонился самолично превеликой вашей державѣ, и имѣю царскую вашу персону не живописану предъ очами своими, но изображену въ незабытной моей памяти и разумѣніи всегда, понеже не токмо азъ, но и весь здѣшній православный родъ, по Божѣ, къ вашему превеликому царскому величеству и живемъ и дышаемъ, и Божественный промыслъ да сподобитъ и намъ видѣть день оный, котораго желалъ видѣть и блаженнѣйшій оный, а не сподобился“. Въ заключеніе грамоты, сказавъ о томъ, что онъ собирается ѣхать въ разныя страны для сбора милостыни на помощь св. Гробу, пишетъ: „съ духовною дерзостію писать буду царской и святой вашей державѣ“.

Вмѣстѣ съ грамотою государю Хрисанеъ прислалъ еще грамоты къ царевичу Алексѣю Петровичу съ прошеніемъ о содержаніи его, патріарха, въ своей милости и къ Гавріилу Ивановичу Головкину съ увѣдомленіемъ о смерти дяди, патріарха Досифея, о своемъ вступленіи на патріаршій престолъ, о распечатаніи имъ писемъ, адресованныхъ прежнему патріарху и о своей готовности поступать по нимъ такъ, какъ поступалъ дядя его.

Самъ государь отвѣчалъ Хрисанеу на присланную имъ грамоту:

„Блаженнѣйшій и святѣйшій господине, господине святаго града Іерусалима и всея Палестины патріархъ, господине Хрисанеъ!

„Возвѣстительное намъ отъ вашего блаженства о возведеніи вашемъ на святой и апостольскій престолъ іерусалимскій писаніе съ немалою сердца нашего радостію выразумѣли, и благодаримъ вышняго Творца, аще и по предвѣчному своему промыслу изволилъ воспріять въ вѣчныя обѣщанныя своя обители его приснопамятное и нами достойно почитаемое блаженство господина, господина и отца киръ Досіея, патріарха іерусалимскаго, а вашего блаженства вселюбезнѣйшаго дядю, о чемъ по человечеству, ради преизрядныхъ его качествъ и христіанскія къ намъ и государству нашему ревности, по премногу соболѣзнуемъ (ему же да будетъ вѣчная и блаженная память). Обаче не оскудѣла надежда въ достойномъ управленіи, яко по наслѣдію возведеннаго вашего блаженства на святой іерусалимскій престолъ, паки въ томъ утѣшаемся, радуемся прочее и благопривѣтствуемъ вашему блаженству, дабы въ дарованной вамъ свыше святой духовной власти всемогущій Творецъ и Богъ даровалъ и во управленіи вашемъ святыя апостольскія церкви силу, крѣпость и утверженіе съ приращеніемъ стада вашего.

„Извышеименованнаго вашего блаженства писанія съ веліимъ удовольствіемъ выразумѣли мы подражательную склонность, которую по наслѣдію воспріали есте отъ приснопамятнаго и блаженнѣйшаго отца и дяди вашего, желаемъ убо дабы и ваше блаженство, яко наслѣдникъ престола его блаженства, тако по обѣщанію и ревности своей христіанской, подражая стопамъ его, въ дѣлахъ нашихъ изволилъ прилагать всякое свое тщаніе и радѣніе, яко уже какъ прежде сего, такъ и по возведеніи на сей святой престолъ достойнохвално началъ еси, еже мы въ незабвенной и доброй памяти содержать обѣщаемъ и всякое церковное вспомо-

женіе подавать готовы есмы. Въ чемъ надѣемся, что блаженство твое, яко намъ самоличнѣ знаемый, паче и паче потщишися приложить благоподражательную свою къ намъ склонность и о дѣлахъ нашихъ попеченія не оставиши. При семъ молитва и благословеніе вашего блаженства да будетъ съ нами.

По духу сынъ вашъ
Петръ.

Апрѣль 30 день 1707 году.

Вмѣстѣ съ государевой послалъ Хрисанѳу грамоту отъ себя и Гавріиль Ивановичъ Головкинъ, къ которой изъявляетъ сожалѣніе о преставленіи дяди Хрисанѳа—Досіея, поздравляетъ его съ восшествіемъ на патріаршій іерусалимскій престолъ, благодаритъ его за предложеніе своихъ услугъ въ пользу Россіи, причемъ пишетъ: „несумнѣваемся убо, яко ваше блаженство изволите тожъ тщаніе и радѣніе прилагать въ дѣлахъ монарха нашего, подражая блаженнѣйшему патріарху и дядѣ вашему, а мы, по должности нашей, его царскому величеству, государю нашему милостивѣйшему, доношеніе въ томъ чинить обѣщаемся“.

Получивъ грамоту государя отъ 30 Апрѣля, Хрисанѳъ незамедлилъ прислать (отъ 28 Сентября) государю отвѣтную благодарственную грамоту, въ которой прежде старается выразить свою великую радость и благодарность по поводу полученія имъ царской грамоты. „Толикую радость, пишетъ онъ, принялъ я въ тотъ день, которой, какъ началъ жить, не имѣлъ никогда, а ни потомъ не получу больше сія, потому что въ тое самое время и изъ той грамоты выразумѣлъ двѣ вещи: первое, доброе и преблагополучное здравіе и благоденствіе священнаго вашего величества, котораго хотіе желаютъ и хотятъ и иныя нѣкоторыя по особливому

желанію изъ нихъ есмь и я, богомолецъ и рабъ вашъ, не давая никому не токмо первенства, но едва и равенства въ томъ. Второе, что выразумѣли изъ оной покланяемой граматы, въ коликую глубину смиренства достигаетъ высота самодержавныя и священныя вашея царскія души, понеже всякое реченіе оныя граматы иного неявляло, кромѣ крайняго благоутробія и жалованья царскаго. Конечное и священное ваше царское величество не имѣетъ въ божественномъ своемъ тѣлеси и иныя души, токмо нѣкую изъ оныхъ душъ древнихъ храбрыхъ и богоподражательныхъ людей; и знатно есть, что Божественный промыслъ восхотѣлъ показать въ сія времена такую изрядную и сицевую персону въ мірѣ семъ, дабы показалъ, что еще пребываютъ въ натурѣ своей особливый сѣмена древнихъ оныхъ храбрыхъ мужей, которымъ весь свѣтъ удивлялся и удивляетца. Того ради отъ сихъ божественныхъ дарованій склонялось царское величество писать ко мнѣ такъ милостиво, такъ царски, того ради не могій я принести инымъ способомъ достойнаго благодаренія съ крайнимъ молчаніемъ молю изъ глубины души и сердца Господа господствующихъ и Царя царствующихъ, да подастъ боговѣнчанной вашей главѣ долгую жизнь, долгое благоденствіе, и да покоритъ подъ ноги ваша всякаго врага и супостата видимаго и невидимаго, да подастъ мнѣ царское величество прощеніе, что я вскорѣ не отвѣтствовалъ на благопочитаемое ваше и священное писаніе, а причина, чтобъ неотяготить вашего царскаго ушеса. Писалъ я къ сіятельнѣйшему вашему ближнему боярину господину Гаврилу Ивановичу Головкину. А инако весьма есмь готовъ къ службѣ вашего царскаго величества, и сіе обѣщаю сохранить во всю мою жизнь истинно и вѣрно; и о семъ радуюсь и веселюся, что

Богъ святыи сподобилъ меня видѣть и поклониться пресвѣтлому вашему царскому лицу самолично и сочислятися между вѣрными и ближними вашими и богомольцы и рабы“.

Послѣ этихъ выраженій радости, по случаю полученія царской граматы, послѣ увѣренія неизмѣнно служить государю всю свою жизнь, Хрисанѳъ далѣе пишетъ государю: „благочестивѣйшій превеликій самодержецъ! готовлюсь я ѣхать во св. градъ Іерусалимъ для посѣщенія апостольскаго и святѣйшаго онаго престола и для утѣшенія тамъ обрѣтающихся православныхъ; то поелику отдаляюсь отъ сихъ странъ и отъ Царьграда, то, что казалось мнѣ нужнымъ объявить вашему величеству, подробно писалъ я въ письмѣ сіятельнѣйшаго ближняго вашего боярина господина Головкина, и если изволите, благоволите выслушать. Только сіе объявляю вашему царскому величеству, что весь православный народъ, подъ владѣніемъ тиранскимъ обрѣтающійся, пребываетъ въ великой бѣдности, скорби и нуждѣ, и иного необрѣтаетъ утѣшенія и отрады, кромѣ что по Бозѣ уповаешь безъ замедленія видѣть освободителя своего, новаго Моисея, ваше непобѣдимое и державное величество (которое ради сего родилось и прислано въ міръ по божественному предвидѣнію) отъ рукъ не фараонскихъ и мучительскихъ, но чувственныхъ діаволовъ и звѣрей, и дабы показалъ великосильный Богъ часъ оный, когда примутъ въ земли свои православныя освободителя ихъ и воспѣлибъ и воскликнули: благословенъ грядый во имя Господне царь израилевъ, что, съ единой стороны, имѣя оное за подлинное радуемся и утѣшаемся, а съ другой стороны, видя замедленія отъ причинъ времени сего, которыя такъ принуждаютъ бывать дѣламъ, отъ-

немоши челоувѣческой печалимся. Едино токмо утѣшеніе осталось въ сихъ странахъ, — мунтянская земля, ибо имѣетъ правителей благочестивыхъ и разумныхъ. а наипаче вѣрныхъ рабовъ самодержавныя вашея державы, хотя весьма ихъ нудятъ мучители разными образами; но если бы были иные, была бы и та земля какъ и волошская, которая пришла въ послѣднее разореніе“.

Вмѣстѣ съ грамотою Хрисанѣъ прислалъ государю Св. мощи: часть отъ священныя главы Св. Іакова Персянина, ради апостольскаго благословенія, четыре плата шитые волоченымъ золотомъ, воду іорданскую въ мѣдномъ сосудѣ и другія вещи. Царевичу Алексѣю Петровичу Хрисанѣъ прислалъ образъ Богоматери рѣзной съ алмазами и жемчугами и золотомъ кругомъ въ ящикѣ серебряномъ, церковь св. Христова Воскресенія и церковь св. Виѣлеема съ раковиннами, описаніе храма св. Воскресенія и св. града Іерусалима и окружающихъ мѣстъ и прочихъ монастырей, которые обрѣтаются нынѣ за городомъ Іерусалимомъ.

Прислалъ патріархъ Хрисанѣъ особую грамоту изъ Яссы, тоже отъ 28 Сентября, и боярину Гавріилу Ивановичу Головкину, въ которой прежде всего такъ опредѣляетъ свои отношенія къ русскому правительству: „вѣдай высочество ваше, что какъ насъ сподобилъ Господь Богъ самоличнѣ поклонитись божественной державѣ дважды въ царствующемъ градѣ Москвѣ, всего себя мы по Божѣ отдали въ службу священныя державы истинною и правдою, елика силы нашаея есть и время зоветъ, какъ оное познали всѣ разумные люди священнаго самодержавнаго величества, иные, которые были въ Константинополѣ и въ Адрианоуполѣ, а иные суть нынѣ присутствуя. И сколько жилъ блаженный владыко дядя нашъ, купно служили мы въ потребныхъ

дѣлахъ, а какъ оный блаженной отъиде ко Господу, однѣ мы паки тожѣ дѣйствуемъ во всѣхъ потребахъ, которые имѣлъ вельможный вашъ посолъ въ Царьградѣ, не токмо въ отдачѣ и приѣмѣ писемъ, но и въ иныхъ тайныхъ вѣдомостяхъ, которыя всегда объявляли помянутому вельможному послу, какъ самъ онъ то знаетъ. И сіе чинено сколько времени мы обрѣтались въ Царьградѣ, а какъ отъѣжали въ сія страны, оставили мы челоувѣка вѣрнаго тамъ, къ которому посылатца имѣютъ отъ знаемыхъ друзей и ваши письма, а онъ будетъ отдавать въ руки послу и паки приѣмать отповѣди и посылать до рукъ ихъ же безопасно, какъ и по нынѣ дѣлаетца. Иного хотя мы не писали къ высочеству вашему, однако чаемъ, что есть вѣдомо“.

Сказавъ о своихъ отношеніяхъ къ русскому правительству, Хрисанѣъ рассказываетъ затѣмъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ: „Какъ мы призваны были, пишетъ онъ, къ многопопечительному бремени апостольскаго онаго престола, имѣли потребу ѣхать во святой градъ Іерусалимъ, посѣтить тамошнихъ православныхъ христіанъ по правильному закону, но невозможли тотъ-часъ, какъ для исправленія нѣкоторыхъ дѣлъ у порты, такъ и отъ того, что намъ учинилися харчи по обыкновенію, какія бывають при перемѣнѣ особъ патріаршихъ; также расходы по построенію лавры Св. Саввы, на которое пошло по нынѣ 70 мѣшковъ; имѣютъ быть намъ иждивенія превеликія, когда поѣдемъ туда къ бусурманамъ, а наипаче наростъ стараго долгу. Хотимъ начать и нѣкое новое строеніе нужное въ Іупіи, которое необходимо для сохраненія въ немъ православныхъ богомольцевъ, пріѣзжающихъ повсягодно во св. Іерусалимъ, отъ нападеній арабскихъ; а если бы не начали починять, то впредь богомольцы

туда ѣздить не будутъ и остановится доходъ св. Гроба. Для исправленія всего этого едва довольно будетъ 100 мѣшковъ левовъ, изъ котораго числа иные имѣемъ въ готовности, а иные не имѣемъ. Сего ради принуждены мы пріѣхать въ сіи страны какую либо помощь получить, а именно: отъ благочестивѣйшаго господара мултянскаго и христіанскаго онаго господарства. Здѣшнее же господарство, волошское, почитай пришло къ совершенному раззоренію и не имѣетъ силы управить себя, не только помогать другимъ. Сего ради съ Богомъ Святымъ имѣемъ намѣреніе тотчасъ, какъ пріѣдетъ нынѣшній новый господаръ сюда, (который еще не выѣхалъ изъ Царяграда), безъ замедленія поѣдемъ въ мултянскую землю, а оттуда въ Царьградъ для приготовления пути въ св. градъ Іерусалимъ. Если возможемъ быть тамъ на св. Пасху или не возможемъ отъ какихъ либо временныхъ причинъ, то, взявъ св. Пасху въ Царьградъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ поѣдимъ сухимъ путемъ. Поелику имѣемъ удалиться отъ сихъ странъ, за благо показалось намъ написать о всѣхъ сихъ дѣлахъ къ вашему высочеству, чтобы донесли священному величеству, не будто онъ безвѣстенъ былъ его величеству, но для того, чтобъ и мы отдали должность свою склоняясь христіанскою любовію и духовною дерзостію, которую, надѣемся, что имѣемъ у васъ“.

Затѣмъ патріархъ извѣщалъ боярина: 1, что оставляетъ по отъѣздѣ своемъ въ Царьградъ вѣрнаго секретнаго человека, „который бы чинилъ ту службу всегда и разумно и вѣрно, чрезъ тѣхъ же старыхъ и вѣрныхъ друзей“; 2, о послѣ у порты, Петрѣ Андреевичѣ Толстомъ, какъ вѣрномъ старательномъ человекѣ, привыкшемъ уже къ обычаямъ турецкимъ и людямъ тамошнимъ, чтобъ его не перемѣняли. 3, просить не вѣрить

въ искренность намѣреній турокъ о сохраненіи мирнаго договора: „хотя они притворяются, что хранятъ договоръ съ царскимъ величествомъ, однако сіе дѣлають понеже не позволяетъ ихъ время поступать инако, ради междоусобной ихъ брани и другихъ причинъ. А какъ имъ время послужить, первое намѣреніе ихъ есть начать противъ васъ войну“. 4, О истребленіи, прежде войны съ турками, татаръ, если только царь желаетъ войны съ ними, чрезъ такой образъ дѣйствій онъ получитъ себѣ много союзниковъ и успѣхъ въ борьбѣ, „въ маломъ времени получить держава ваша приращеніе дивное и преславное, и приметъ подъ владѣніе свое всю ту страну, которою владѣють турки въ землѣ турецкой; и сіе говоримъ по человѣческому разсужденію, надѣясь, что и Богъ Святый будетъ помощникъ“. 5, О необходимости храненія мира съ Портою во время войны государя съ Швеціею и Польшею. 6, „Когда Богъ благоволитъ и учинится посоль въ странахъ, если провинціи оныя русскія, гдѣ суть православные русаки въ державѣ короля польскаго, первая и особая статья въ договорѣ чтобъ была, дабы впредь неименоватися уніи проклятой, но жили бы православные безъ препятствія въ вѣрѣ своей, и треклятый Шумлянскій, который учинилъ толико мятежа въ церкви Христовой, явився новый предатель Іуда, чтобъ былъ сосланъ въ дальнія страны сибирскія, и тамъ или бѣ спасался, если покается, или, если останется въ ереси своей, еще живъ будучи чтобъ отвѣдалъ начатки вѣчнаго мученія, что, дай Боже, чтобъ услышали мы безъ мотчанія. И сіе есть главнѣйшее дѣло доношенія нашего...“. 7. Патріархъ просить неоставить, послѣ отъѣзда его, находящагося при русскомъ послѣ въ Царьградъ нѣкоего скорняка, вѣрнаго и рачительнаго че-

ловѣка, служащаго для принятія и отдачи царскихъ грамотъ патриарху.

Въ заключеніе грамоты патриархъ, увѣдомляя боярина о подаркахъ посланныхъ имъ государю и чертежѣ Св. града Іерусалима, котораго просилъ у него царевичъ Алексѣй Петровичъ, говорить: „а что бы намъ чаще писать къ великому государю и къ вашему высочеству (т. е. Головкину) и безопасно, сдѣлали мы сію цифирь, посылаемъ и образъ печати. И какъ придетъ къ вамъ какое письмо, въ которомъ есть та печать, вѣдомо буди, что есть наше писаніе, а съ лица печать какая нибудь, только бы что была сія внутри, къ тому жъ: которое письмо имѣетъ съ лица кругъ, тое къ великому государю, а которое имѣетъ треугольный знакъ, есть къ высочеству вашему, и сіе всегда да будетъ за подлинное“.

Получивъ это письмо, Головкинъ поспѣшилъ отвѣтить Хрисанѣу особымъ отъ себя посланіемъ, въ которомъ благодарить его за доброе желаніе и расположеніе къ московскому государству и затѣмъ пишетъ: „впредь прошу вашего отеческаго наставленія, аще что благоусмотрите на пользу въ дѣлахъ монаршихъ, сообщать намъ по божественной ревности благоволите, что имѣть будемъ за особливую вашего блаженства высокую склонность. А о прочихъ дѣлахъ, какъ намъ ваше блаженство мудро и свято предлагаетъ, письменно доносимъ царскому величеству, и какое его величества о оныхъ рѣшеніе будетъ, впредь блаженству вашему для извѣстія донесемъ“. А такъ какъ Головкинъ въ донесеніи Хрисанѣа обратилъ особенное вниманіе на его сообщеніе, что турки готовятся разорвать миръ съ Россіей, то и проситъ его въ особенности наблюсти за этимъ обстоятельствомъ и все нужное сообщить ему въ Мос-

кву. Отвѣчая на это послѣднее предложеніе Головкина, Хрисанѣу пишетъ ему изъ Бухареста отъ 13 Января 1708 года: „сіе объявляемъ, что конечно турки усмотряютъ времени и способу поднятца противъ васъ, однако нынѣ не видитца явнаго приготовленія, которое какъ наименьшее належитъ объявлено быть во всемъ ихъ государствѣ за годъ, потому что зѣло добрѣ знаютъ съ кѣмъ имѣютъ вчать войну. И еслилибъ они признавали, что легко было бъ имъ такое дѣло, давно бъ объявили мысль свою и не посмотрѣлибъ на договоры, ни на присяги, ни на дружбу, по природному и древнему ихъ обыкновенію. Того ради нынѣ молчатъ и по неволѣ и притворяются будто хранятъ дружбу и договоры, а тѣмъ только время усматриваютъ; а наипаче усматривая, къ какому окончанію имѣютъ придти и нынѣшнимъ лѣтомъ поступки великаго государя и шведскія и поляковъ Лещинскаго, и тогда паки имѣютъ поступать, какъ время ихъ научаетъ. Однако подлинно есть, что непрестаютъ всегда укрѣплять города свои порубежныя, разсуждая, что можетъ приключиться внезапно, что ни есть, и имъ. Однако такъ или иначе, зѣло полезно и прибыльно есть, буде есть способъ и возможно какъ нибудь, дабы великій государь помирился съ сими странами какъ скорѣе, понеже хотя, какъ выше писали есмы, и сами турки не видитца, чтобъ имѣли какое приготовленіе нынѣ, однако могутъ дать позволеніе татарамъ, чтобъ учинили они какое возмущеніе, гдѣ время ихъ позоветъ, и слышно есть сіе...“. Затѣмъ Хрисанѣу извѣщаетъ Головкина, что ѣдетъ въ Іерусалимъ чрезъ Константинополь, „и въ чемъ повелите намъ и возможно намъ, будемъ радѣть о всякомъ дѣлѣ великаго государя и будемъ давать всякую вѣдомость и совѣтъ вельможному вашему послу,

чтобъ онъ доброе око имѣлъ во всемъ, какъ бывало и мы прежде сего обрѣтались въ Царьградѣ, а уѣзжая во Св. градъ Іерусалимъ оставимъ тамъ человѣка разумнаго и вѣрнаго въ службѣ великаго государя для приему и отдачи писемъ“. Въ заключеніе Хрисанъ пишетъ: „буди и сіе увѣдомленіе, что переѣхавъ за Дунай, по старому нашему обыкновенію безъ великой нужды часто писать не будемъ ни къ великому государю, ни къ вашему высочеству, понеже если что приключитца ко объявленію отъ насъ, дадимъ знать послу вашему и общимъ пріятелямъ, и такъ будетъ отправляться всякое дѣло и легче и безопаснѣе“.

Отъ 15 Марта 1708 года самъ государь такъ отвѣчалъ Хрисану на присланныя имъ граматы:

Блаженнѣйшій и святѣйшій владыко, святаго града Іерусалиме и всея Палестины патріархо господине, господине Хрисанъ!

Всесвященное и пречестное вашего блаженства писаніе, даное предшедшаго 1707 году Сентября въ 28 день къ намъ донесено, котораго мы содержаніе и обстоятельства охотно выслушали, премного радуясь отеческой вашего блаженства къ намъ склонности и о дѣлѣхъ нашихъ попеченіи, того ради великое благодареніе отдаемъ вашему блаженству. Прочее что изволили вы къ господину графу Головкину (писать), все подробну и подлинно прочли и выразумѣли. О усердіи блаженства вашего къ намъ давно мы извѣстны, и о семъ аниже сумнѣваемся, но имѣемъ блаженство ваше яко презелаемаго нашего отца и православія ревнителя. О путешествіи блаженства вашего во святой градъ Іерусалимъ выразумѣли, и дай Боже дабы было на пользу и утѣшеніе тамо обрѣтающихся православныхъ христіанъ. А на вспоможеніе настоя-

щаго путешествія вашего повелѣли мы послать къ блаженству твоему нѣсколько соболей, и да изволите блаженство ваше оныя принять въ доброй склонности, ибо и паки не оставимъ во благопристойное время вспомогать, яко же христіанская наша должность требуетъ. Святыню и дары блаженства вашего, какъ роспись явствуетъ, а именно: главу Іакова Персянина якожъ многоцѣнное сокровище, такожъ и прочія дары приняли и благодарствуемъ отеческіи.

При семъ по духу сынъ вашъ

П.

Марта въ 15 день 1708 году.

Съ своей стороны и графъ Головкинъ отъ 15 Марта 1708 года писалъ патріарху Хрисану: „превеликую радость и веселіе сочинило мнѣ священнѣйшее и мнѣ всечестнѣйшее вашего блаженства писаніе, писанное въ день предшедшаго Февраля (Января?) 1708 году, въ которое двѣ вещи мнѣ объявляютца: первое, презелаемое мнѣ здравіе блаженства вашего; второе, на требованіе мое подлинная отповѣдь и рѣшеніе на сумнительства, намъ отъ иностранныхъ дворовъ заданные, сообщено есть, которое охотно прочетъ, веліе благодареніе воздаемъ вашему блаженству, что изволилъ воспріять толикій трудъ—возвѣщеніе намъ мысли нечестивыхъ турокъ и изъясненіи всего подробну, о которомъ, упоая на отеческую вашу любовь, спросилъ я, понеже разсѣялось слово, хотя и ложно было, однакожъ имѣя блаженство ваше и другихъ нашихъ друзей яко вѣрнѣйшихъ, того ради благословно показалось намъ открыть вамъ оное, какъ слово огласилось и писано къ намъ изъ нѣкоторыхъ странъ. И такъ рѣшеніе и отповѣдь вашу на вопрошенныя отъ меня дѣла пред-

ставилъ и объявилъ его царскому величеству, такожь и совѣтъ вашъ о настоящей войнѣ съ шведами. И сіе все его царское величество изволилъ принять зѣло благопріятно, какъ въ собственномъ своемъ къ вашему блаженству листѣ отвѣтствуетъ, а наипаче, что блаженство ваше, отѣхавъ въ Константинополь, общаетца послу его царскаго величества подавать всякій совѣтъ и мнѣніе къ лучшему исправленію дѣлъ монаршескихъ, о чемъ ниже сумнѣваемся, но всегда благонадежны пребываемъ, что блаженство ваше, божественною ревностію подвиженъ и подражая блаженные памяти дяди своему ревностнымъ поступкамъ и любви ко благочестію, всегда не оставитъ предлежащаго своего намѣренія исполнить“.

На эти грамоты государя и Головкина Хрисанъ отвѣчалъ особою грамотою государю отъ 19 Сентября того же 1708 года, въ которой онъ извиняется предъ государемъ за свое долгое молчаніе. „Прошу божественнѣйшій самодержецъ, пишетъ Хрисанъ, непостави во гнѣвъ, что не учинилъ отповѣди на разстояніи толикаго времени, а наипаче что не благодарилъ за посланное ко мнѣ жалованье отъ богатырныя десницы вашей, которое принялъ въ цѣлости отъ истиннаго христіянина и вѣрнаго вашего раба, мултыанскаго господара. Причина той мѣшкости слѣдовала отъ страха нынѣшняго султана и визиря, которые такое нынѣ гоненіе воздвигли на св. мѣста и просто на православныхъ, что давно въ царскія ваши ушеса донесено. Но о томъ ниже теперь пространнословлю, ниже о иныхъ дѣлахъ, поелику, что надлежало, писалъ я изъ волошской земли. Турки, лицемерствуя дружбою, домогались многообразно иною дорогою опять взять подъ власть свою Азовъ, но вышняя сила, помогая и въ семъ вашей царской державѣ,

осушены стали. Однакожь о сихъ и прочихъ дѣлахъ, понеже мню, что пишетъ государь мултыанскій, а къ тому и посолъ вашъ, то уже нетреба царской вашей державѣ иного доносить, окромѣ токмо, во первыхъ, что благодарю царскому величеству за посланную ко мнѣ милость; второе, что завтра, въ 20 день сего мѣсяца, отѣзжаю отсюда во Іерусалимъ, гдѣ за Божіею милостію пріѣхавъ, всегда и особно и обще совѣмъ честнымъ священствомъ апостольскаго онаго престола будемъ приносить безкровныя жертвы Богу и Отцу во всѣхъ честныхъ и поклоняемыхъ мѣстахъ о здравіи, державѣ, побѣдѣ и пребываніи боговѣнчанныя вашей главы, воинства и всего христіанскаго народа. Третіе же и послѣднее: колѣноприпадательно молю, да обратятся всегда въ царской вашей благоувѣтливой и христіоподражательной любви, которую паки и множицею да соблюдетъ вышній промыслъ благополучно, щастливо, пресвѣтла, преславна, ревнителя и грознаго врагамъ побѣдоносца отъ востока солнца даже до запада¹“.

Въ 1711 году встрѣчается еще одна грамота Хрисанѣа, присланная имъ къ графу Головкину. Но такъ какъ она была писана условною цифирью и непереведена, то содержаніе ея остается совѣмъ неизвѣстнымъ. Затѣмъ всякая переписка Хрисанѣа непосредственно съ московскимъ правительствомъ окончательно прекращается вплоть до 1728 года.

Такимъ образомъ оказывается, что Хрисанъ, занявъ патріаршій іерусалимскій престолъ по смерти своего дяди Досифея, и ранѣе уже находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ, постарался на первыхъ же порахъ стать къ нему въ тѣже самыя отношенія, въ какихъ къ нему находился

¹ Греческія дѣла 1707 г. № 1 и 1708 г. № 1.

Досиоей. Онъ вступаетъ въ непосредственную переписку съ царемъ и канцлеромъ „какъ рабъ вѣрный“ государя, заявляетъ, что весьма есмь готовъ къ службѣ вашего царскаго величества и сіе обѣщаю сохранить во всю мою жизнь истинно и вѣрно“, и въ подтвержденіе этого присылаетъ въ Москву разныя политическія вѣсти о турецкихъ дѣлахъ. Наше правительство, уже ранѣе хорошо знавшее Хрисанѳа, охотно принимаетъ его предложеніе служить въ Турціи русскимъ интересамъ, — самъ царь пишетъ ему отъ себя особыя грамоты и вызываетъ и поощряетъ его на дальнѣйшую службу русскому правительству, къ тому же приглашаетъ его и канцлеръ Головкинъ, такъ что между Хрисанѳомъ и русскимъ правительствомъ сразу устанавливаются тѣже самыя близкія отношенія, какія ранѣе установились при Досиоеѣ. И вдругъ эти отношенія совершенно неожиданно и безъ всякой видимой причины прекращаются.

Чтобы хотя отчасти понять, какимъ образомъ могло произойти это совершенно неожиданное обстоятельство, мы обратимся къ отпискамъ нашихъ пословъ въ Турціи, такъ какъ въ этихъ отпискахъ есть нѣкоторыя указанія, служащія къ разъясненію интересующаго насъ вопроса.

Подобно Досиоею Хрисанѳъ, сдѣлавшись патріархомъ, вошелъ въ близкія и постоянныя сношенія съ нашими послами въ Турціи, помогая имъ своими свѣдѣніями и совѣтами, служа посредникомъ при передачѣ бумагъ отъ нашего правительства посламъ и наоборотъ, такъ что въ этомъ отношеніи онъ, казалось, вполне замѣнилъ собою умершаго Досиоея. Такъ именно смотрѣлъ на него и нашъ тогдашній посолъ въ Турціи — Петръ Андреевичъ Толстой. 9 Февраля 1707 года Хрисанѳъ прислалъ Толстому письмо, въ которомъ извѣщаетъ

его о смерти своего дяди Досиоея, о своемъ избраніи въ патріархи и затѣмъ пишетъ: „зѣло изрядно знаетъ о семъ превосходительство ваше, что еще будучи архимандритомъ и митрополитомъ, всегда обрѣтался въ служеніяхъ божественнѣйшаго повелѣніемъ блаженнѣйшаго владыки, о чемъ и нынѣ вамъ объявляю, что въ чемъ нибудь будетъ потребовать превосходительство ваше, со усердіемъ мнѣ тое да объявляетъ, какъ и оному блаженныя памяти; и когда изволятъ посылать письма ко божественнѣйшему чрезъ пріятелей, да присылаеши ихъ ко мнѣ и со всякимъ радѣніемъ пошлются, зане имѣю особливый долгъ служить божественнѣйшему въ чемъ могу, понеже сподобился поклониться и видѣть очевидно самодержавное и святое его лице“. Въ отвѣтномъ письмѣ (отъ 10 Февраля) Толстой, поздравляетъ Хрисанѳа со вступленіемъ на патріаршій престолъ, выражаетъ глубокую скорбь и печаль по поводу смерти Досиоея, а вмѣстѣ и увѣренность, что и онъ, Хрисанѳъ во всемъ и всегда будетъ помогать ему — послу. 28 Февраля Хрисанѳъ пишетъ Толстому, который „стужалъ“ его объ отсылкѣ писемъ: „мы и во время онаго блаженные памяти споспѣшествовахомъ въ чемъ могли есмы, и отнынѣ впредь со всяческимъ усердіемъ и любовію вящею имѣемъ желаніе служить божественнѣйшему и вашему превосходительству“, и затѣмъ проситъ у посла совѣта, слѣдуетъ ли ему письменно извѣстить царя о своемъ вступленіи на патріаршество или нѣтъ, и если слѣдуетъ, то съ кѣмъ послать грамоту: съ монахомъ или съ свѣтскимъ патріаршимъ человѣкомъ или чрезъ пріятелей и т. п. 25 Февраля Толстой отвѣчаетъ Хрисанѳу: „несумнѣваемся владыко святыи, что ваше блаженство воистину усерднѣйшій доброхотъ божественнѣйшему величеству и намъ яко отецъ“ и затѣмъ со-

вѣтуетъ ему писать отъ себя грамоту государю и послать ея съ чернецомъ. 11 Марта Толстой пишетъ Хрисанѣу, чтобы онъ разузналъ про нѣкоторыя дѣйствія турецкаго правительства, про которыя ходятъ слухи, но онъ ничего достовѣрнаго про нихъ не знаетъ. Хрисанѣъ разузнаетъ, что слѣдуетъ, и о результатахъ сообщаетъ послу. Вообще между Толстымъ и Хрисанѣомъ устанавливается правильная постоянная переписка, какая ранѣе существовала между Толстымъ и Досиѣемъ, и Толстой былъ очень доволенъ службою и раденіемъ о государевыхъ дѣлахъ со стороны Хрисанѣа, когда послѣдній былъ въ Константинополѣ. Отъ 19 Іюня Толстой пишетъ въ Москву къ канцлеру Головкину: „святѣйшій іерусалимскій патріархъ обрѣтается въ мультянской землѣ и когда здѣсь былъ, усердно великому государю работалъ, также и нынѣ усердствуетъ, и оставилъ здѣсь опредѣленіе чрезъ кого мнѣ къ вамъ посылать письма. Такъ же надѣюся и ваши письма (еже изволите ко мнѣ посылать) будетъ ихъ онъ, патріархъ, съ пріятелями ко мнѣ управлять сохранна“. Отъ 12 Августа Толстой пишетъ Головкину: „еще вамъ доношу: іерусалимскій патріархъ Хрисанѣъ трудится въ дѣлахъ великаго государя съ великимъ усердіемъ, и достойно и праведно объявляю, что весьма усердствуетъ въ потребныхъ дѣлахъ“.

Въ виду великаго усердія Хрисанѣа къ государевымъ дѣламъ и расположенія его къ послу Толстому, послѣдній задумалъ сдѣлать для Хрисанѣа особенно пріятное—хлопотать предъ турецкимъ правительствомъ о возвращеніи грекамъ отнятыхъ у нихъ латинянами св. мѣстъ въ іерусалимѣ. Явившись 14 Апрѣля 1709 года къ визирю Толстой между прочимъ говорилъ ему: „Явно всѣмъ, что де порта оттаманская имѣла вели-

кую прежде сего славу отъ того, что де во Іерусалимѣ святые поклонные мѣста держали подданные ихъ греки и вельми де удивительно, еже де какъ порта оную славу изволила уступить постороннему государю; и не для какой иной причины сіе чинится, токмо де по щастію пословъ французскихъ, здѣсь пребывающихъ, понеже де оные за то отъ своего государя пріемлютъ многую милость. И можетъ де быть, что крайней визирь изволить о семъ сказать, что де и прежде сего такъ бывало чинено; и то де подлинно такъ бывало, обаче де сіе чинилось по любви крайнихъ визирей къ посламъ французскимъ; а когда который посолъ французской не любовно здѣсь къ которымъ либо крайнимъ визиремъ поступалъ, тогда самымъ дѣломъ крайніе визиріи оныхъ наказывали, еже де оные поклонные мѣста, изъ рукъ католицкихъ отнимая, отдавали своимъ подданнымъ грекамъ во одержаніе. И отъ того де король французскій явно познавалъ, что де посолъ его, сдѣсь пребывающій, не ласково съ портою поступаетъ и вскорѣ де такого посла своего отсюду перемѣнялъ, и такимъ образомъ послы французскіе за неласковые съ портою поступки отъ крайнихъ визирей зѣло преразумно были наказываемы. Обаче де нынѣ видится все вышереченному противное и къ тому де не пристойно вельми, чтобы де во области салтанова величества имѣть власть другому постороннему государю, понеже де всей имперіи единъ самовластный императоръ—его салтаново величество. Обаче де все сіе въ воли крайняго визиря, какъ де изволить, такъ со всѣми здѣсь пребывающими послами поступаетъ“. На эту рѣчь посла визирь отвѣчалъ: „а что де онъ, посолъ, говоритъ о поклонныхъ во Іерусалимѣ мѣстахъ, о томъ де онъ, визирь, желаетъ вѣдать, по указу-ли де царскаго величества о томъ го-

ворить, или де отъ себя?" На это Толстой заявилъ, что о поклонныхъ мѣстахъ говорить отъ себя, но ранѣе отъ государя была объ этомъ просьба къ султану Мустафѣ, къ визирю и муфтію и порта тогда общалась со временемъ исполнить просьбу государя, хотя де до сего дня ничего не сдѣлала, „а нынѣ крайній визирь что изволить, да учинить“. На это визирь сказалъ: „аще ли де нынѣ желаетъ царское величество, чтобы де оныя поклонныя іерусалимскіе мѣста по желанію его величества отданы были во одержаніе грекамъ, то де подобаетъ царскому величеству отъ своей страны показать къ сторонѣ салтанова величества крайнюю любовь и увѣрить де потребно, чтобы де явно показались знаки ненарушаемаго содержанія мирныхъ договоровъ“. Посоль увѣрялъ визиря въ крайней любви государя къ султану и просилъ, что бы и визирь, съ своей стороны, показалъ свою любовь и пріятельство уступкою Св. мѣстъ грекамъ. Визирь соглашался дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, если отъ государя будетъ прислана одна грамота съ подтвержденіемъ неизмѣнно соблюдать мирный договоръ, а другая съ просьбою о возвращеніи грекамъ Св. мѣстъ: „Когда де оныя грамоты сюда достигнутъ, увѣряетъ де онъ, визирь, что оныя поклонныя мѣста, по желанію царскаго величества, отдадутся грекомъ немедленно, ибо де желаетъ онъ, визирь, что бы де оную славу, которую нынѣ имѣетъ отъ порты король французскій, лучше бы имѣлъ царское величество, понеже де оный король не почитаетъ любви по достоинству“. Толстой общалъ визирю немедленно писать объ этомъ государю. И дѣйствительно, письмомъ отъ 16 Апрѣля, онъ извѣщаетъ графа Головкина о своемъ разговорѣ съ визиремъ и просить его прислать

¹ Турецкія дѣла, связка 8, 1707 г., №№ 2—3.

царскую грамоту о Св. мѣстахъ, такъ какъ де моментъ теперь для этого дѣла очень удобный. Въ отвѣтъ на представленіе Толстаго государь послалъ къ султану особую грамоту, въ которой увѣряетъ его о своемъ твердомъ держаніи мирнаго договора съ портою и просить, чтобы и султанъ прислалъ такую же свою грамоту о держаніи имъ мирнаго договора и чтобы свою любовь къ миру заявилъ особымъ дѣломъ: передачею Св. мѣстъ отъ латинянъ грекамъ. „Ваше салтаново величество, писалъ царь, распространите тѣмъ свою славу самодержавія и милости къ подданнымъ своимъ, намъ покажите ясно доводъ пріязни своей и истиннаго намѣренія къ содержанію постановленнаго между нами и обоими государствами нашими мирныхъ договоровъ“. Въ посланной въ то же время (26 Іюня 1709 г.) инструкціи послу Толстому повелевается о Св. мѣстахъ: „домогаться тебѣ, чрезвычайному послу нашему, при дворѣ салтанова величества съ прилежаніемъ“ относительно возвращенія грекамъ Св. мѣстъ и обо всемъ, что онъ успѣетъ сдѣлать по этому дѣлу, писать въ Москву.

Писалъ посоль Толстой о Св. мѣстахъ и патріарху Хрисанѳу въ тотъ же самый день (т. е. 14 Апрѣля), какъ имѣлъ разговоръ съ визиремъ. „Неимѣю времени писать довольно, едино возвѣщаю, что дѣла божественнѣйшаго изрядно исправляются и уже непріатели принуждены желать примиренія. Измѣнникъ Мазепа въ конечномъ отчаяніи пребываетъ. Мои дѣла здѣсь изрядно отправляются помощію Божіею и вашими молитвами. Аще бы я могъ самъ писать по гречески, объявилъ бы вамъ нѣкоторое обрадованіе, обаче хотя и не могу ясно объявить только жъ молю васъ: молитесь Бога, да совершить дѣло, которое началось о поклонныхъ мѣстахъ вскорѣ, какъ я и уповаю, и тако молю да будетъ сія

тайна хранима съ великимъ опасеніемъ воеже бы ни кто могъ познати до совершенія“¹. Но эти благія намѣренія нашего посла и правительства относительно возвращенія грекамъ Св. мѣстъ не были приведены въ исполненіе, потому что въ это время, послѣ Полтавской битвы, шведскій король и гетманъ Мазепа бѣжали въ Турцію и все вниманіе нашего посольства при турецкомъ дворѣ было исключительно сосредоточено на этихъ лицахъ.

Такимъ образомъ патріархъ Хрисанѣъ сразу сталъ и къ нашему послу въ Турціи въ тѣ же самыя отношенія, какія установились при его дядѣ Досиѣѣ. Подобно Досиѣю онъ находится съ нашимъ посломъ въ постоянной перепискѣ, сообщаетъ ему нужныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Турціи, служитъ посредникомъ при передачѣ разныхъ бумагъ отъ посла къ нашему правительству и обратно; нашъ посолъ, съ своей стороны, видитъ въ Хрисанѣѣ человѣка вполнѣ вѣрнаго преданнаго интересамъ русскаго правительства, человѣка, на котораго онъ можетъ въ своей посольской дѣятельности вполнѣ положиться. Но такія отношенія между Хрисанѣомъ и нашимъ посольствомъ въ Турціи продолжались однако очень не долго. Еще въ Іюлѣ 1708 года Толстой писалъ канцлеру Головкину: „святейшій іерусалимскій патріархъ пребываетъ въ Константинополи, однако жъ со мною зѣло рѣдко изволяетъ корреспондовать, и можетъ быть что имѣетъ опасеніе отъ визиря, понеже сей визирь человѣкъ вельми суровъ и ко христіаномъ люто не ласковъ, а наипаче ко всѣмъ иноземцамъ, здѣсь пребывающимъ, поступаетъ великою жестокостію“². Въ этихъ словахъ посла уже слышится нѣкоторый упрекъ Хрисанѣу въ равнодушіи

¹ Тур. дѣла связка 10, 1709 г. № 1.—² Тур. дѣла, связка 9, 1708 г. № 1.

къ дѣламъ государя, хотя посолъ и старается оправдать поведеніе патріарха его боязнію предъ суровымъ къ христіанамъ визиремъ. Затѣмъ случились и другія обстоятельства, которыя должны были значительно понизить степень довѣрія нашего правительства къ преданности іерусалимскаго патріарха русскимъ интересамъ.

Нѣкто грекъ Лука Кириковъ, бывшій тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Константинополѣ, между прочимъ, отъ 11 Декабря 1711 года, писалъ канцлеру Головкину, что турки желаютъ мира съ царемъ, „для того говорили патріарху іерусалимскому, дабы онъ персонально поѣхалъ на дворъ господъ пословъ московскихъ и говорилъ бы имъ съ добрымъ раціямъ какъ христіанинъ, дабы Азовъ отдали и миръ ненарушимъ. Онъ же, патріархъ, *хотя чаю и мало доброжелательный христіанинъ*, просилъ у визиря и отказалъ, что онъ за подозрѣніе московскимъ посломъ пойти не можетъ, токмо будетъ имъ писать, которой и писалъ съ немалымъ раціемъ, на што господа послы отвѣтствовали“, что Азовъ не возвращается туркамъ единственно потому, что турки не высылаютъ изъ своей страны шведскаго короля. Эту отписку Кириковъ послалъ съ грекомъ Георгіемъ Эргакіемъ, который, прибывъ въ С.-Петербургъ 22 Февраля 1712 года, секретно заявилъ здѣсь канцлеру Головкину слѣдующее: „ѣхалъ онъ изъ Царяграда въ мулянскую землю и когда былъ въ Бухарестѣ, тогда ночью приходилъ къ нему одинъ человѣкъ, закрывъ лице свое, только очи свои показалъ и говорилъ: вѣдаетъ онъ, что Эргакій ѣдетъ къ его царскому величеству и сего ради объявляетъ ему подъ присягою, что бы увѣдомилъ его царское величество, что по повелѣнію салтана турецкаго, по наущенію ко-

роля шведскаго, велѣно господарю мултянскому (валахскому) послать нарочно двухъ человекъ изъ греческихъ купцовъ въ руссiйское государство, подъ именемъ купеческимъ, будто для торговаго промысла, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы они всякими мѣрами промышляли высокую персону его царскаго величества чрезъ отраву умертвить (отъ чего всемогущій Богъ да сохранить), за что ему, мултянскому господарю, отъ порты обѣщано вѣчно имѣть господарство и его наслѣдникамъ. Господарь, по тому повелѣнію и по своимъ злымъ поступкамъ, двухъ грековъ послалъ для сихъ злыхъ промысловъ; а какъ тѣхъ грековъ зовутъ, когда и въ какія мѣста отправлены, о томъ ему Эргакію не объявилъ. Потомъ ѣхалъ онъ чрезъ седмиградскую землю и Польшу, а когда пріѣхалъ во Львовъ, то грекъ Евѣимій о томъ же дѣлѣ ему подъ присягою объявилъ и сверхъ того сказалъ, что дядя графа Оомы Кантакузина, Михайло Кантакузинъ, послалъ съ письмами вѣрнаго своего человека ко двору его царскаго величества и къ нему Оомѣ, Георгію Мирузинану, что бы наскоро секретъ сей Георгій объявилъ ему для донесенія о томъ его царскому величеству, дабы тѣхъ посланных грековъ поймать, ибо Георгій ихъ знаетъ. Съ тѣми греками посланы весьма богатые серьги алмазные, будто для продажи, и нѣсколько тысячъ червонныхъ золотыхъ, а именно въ алмазахъ и въ червонныхъ на сто пятьдесятъ тысячъ ефимковъ, и притомъ маленькая скляночка съ отравою. Георгій уже былъ во Львовѣ у Евѣимія и хотѣлъ ѣхать въ тотъ же день, какъ и Эргакій поѣхалъ, только за худыми лошадьми остановился. Да онъ же объявилъ за высшій секретъ подъ присягою, что отъ многихъ своихъ друзей слышалъ, что господарь мултянскій (валахскій) поступаетъ несправедно и

во всемъ дѣлаетъ великому государю противное, и что всякія вѣдомости къ турецкой портѣ посылаетъ чрезъ патріарха іерусалимскаго Хрисанѳа, который не христіанинъ, но атеистъ и сущей турецкой шпегъ отъ древнихъ лѣтъ. Когда визирь прошлаго года былъ въ Адрианополѣ, то онъ у визиря почти по цѣлымъ ночамъ бывалъ инкогнито, и когда турки пошли изъ Адрианополя въ походъ, то онъ послалъ съ визиремъ вѣрнаго своего чернеца, который былъ инкогнито въ турецкомъ платьѣ при визирѣ, и почти повсядневно отъ мултянскаго господара давалъ вѣдомости визирю о войскахъ государевыхъ и состояніи противника. А для большаго увѣренія, сказывалъ Георгій, что сей секретъ слышалъ и нѣкоторую часть видѣлъ, а все подлинно дозналъ и провѣдалъ чрезъ секретаря вышеписаннаго патріарха, турчанина, именемъ Абдиръ-Кади, который на турецкомъ языкѣ по визирскому повелѣнію писалъ, по слову патріаршему, всякія вѣдомости и визирю передавалъ“.

Оговоренные Эргакіемъ два грека: Дементій и Петръ, были розысканы, привезены въ Петербургъ, подвергнуты пыткамъ, но ни въ чемъ не сознались¹.

Донесеніе грека Луки Кирикова, одного изъ преданнѣйшихъ нашихъ политическихъ агентовъ въ Константинополь, что іерусалимскій патріархъ „чаю мало доброжелательный христіанинъ“ и рѣшительный оговоръ грека Эргакія, что валахскій господарь, другъ и пріятель Хрисанѳа, „во всемъ дѣлаетъ великому государю противное“, что онъ, вмѣстѣ съ Хрисанѳомъ, во время царскаго похода на Прутъ, былъ турецкимъ шпиономъ, необходимо должно было произвести впечатлѣніе на русское правительство, тѣмъ болѣе, что валахскій гос-

¹ Тур. дѣла 1711 г. № 13; Греч. дѣла 1712 г. № 5.

подарь Бранкованъ отказался тогда пристать къ русскимъ, между тѣмъ какъ господарь молдавскій Кантемиръ принялъ русское подданство. Подканцлеръ Шафировъ, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, оставленный, послѣ прутской катастрофы въ Турціи для окончательнаго заключенія мира съ Турками, съ своей стороны предостерегалъ наше правительство, чтобы оно недовѣряло ни господарю валахскому, ни патріарху іерусалимскому, потому что оба турецкіе пріятеля и Хрисанъ уже были назначены казацкимъ патріархомъ. „Изъ всѣхъ грековъ, доносилъ Шафировъ, ни мы, ни Петръ Андреевичъ (Толстой) не сыскали пріятеля, ни добраго человѣка, и бѣгутъ отъ насъ какъ отъ чумы“¹. И снова, уже отъ 5 Апрѣля 1713 года, Шафировъ опять пишетъ Головкину: „на сдѣшнихъ людей весьма надѣятца невозможно, хотя и явитца сперва усердный; а паче всего—за деньги и Бога и вѣру и душу и государя своего продать готовы, и все что пишутъ и подаютъ вѣдомости, надлежитъ вѣситъ на вѣски алмазные, а хотя что явитца правдивое, то больше притомъ примѣшено будетъ разсказовъ, пахнетъ все деньгами. Мы истинно, государь, съ господиномъ Толстымъ не нашли здѣсь больша сего голландскаго переводчика Тейлса въ нынѣшній случай никого, ктобъ похотѣлъ послужить усердно за полученную царскаго величества милость“. Затѣмъ Шафировъ говоритъ, что архіепископъ и папезскій викарій въ Константинополѣ, родомъ рагузинецъ, всею душою и со всякимъ усердіемъ служить, чѣмъ можетъ, великому государю „и дай Богъ, хотябъ и единовѣрные наши вполъ таковы были, но отъ нихъ ни малаго добра нѣтъ, — не знаю, нѣтъ-ли зла, какъ видится изъ того, что іерусалимскій тотчасъ пріѣхалъ

¹ Соловьевъ, т. XVI, стр. 114.

за салтаномъ сюды и нынѣ здѣсь въ добромъ почтеніи, можетъ быть, что тщится получить при семъ случаѣ прошлаго году назначенную себѣ патріархію казацкую. Однакожъ я для лица (т. е. для виду) и съ нимъ сочиняю здѣсь тайную пересылку. Увижу, что изъ того будетъ“¹.

Между тѣмъ и самъ государственный канцлеръ Головкинъ имѣлъ случай убѣдиться, что не слѣдуетъ особенно довѣряться валахскому владѣтелю Бранковану, а вмѣстѣ и его пріятелю Хрисанѣу. Въ Декабрѣ 1711 года и въ началѣ 1712 года изъ Константинополя были посланы нашими послами къ Головкину чрезъ Бранкована четыре письма „о нужнѣйшихъ дѣлахъ“ по поводу заключенія мира съ турками. Всѣ эти важныя четыре письма пропали и Головкинъ пишетъ послу Толстому, чтобы онъ попросилъ патріарха Хрисанѣа побудить его пріятеля, валахскаго господаря, возвратить эти письма. „Я бы самъ, заключаетъ Головкинъ свое письмо къ Толстому, желателенъ былъ имѣть корреспонденцію съ его святѣйшествомъ, но понеже не удостоенъ чести писанія и благословенія его здѣсь, кромѣ одного письма, по указу порты къ намъ писаннаго, со увѣщаніемъ объ отдачѣ Азова“, то и не дерзаетъ лично обратиться къ патріарху².

Хрисанѣа отлично понималъ, что его отношенія и къ русскимъ посламъ въ Турціи и къ самому русскому правительству значительно измѣнились, и потому старался оправдать и себя и своего пріятеля—валахскаго воеводу. Отъ 13 Августа 1712 года Хрисанѣа пишетъ послу Толстому, что онъ „по своей мочи и по своему разуму служилъ вѣрно и добре къ пользѣ православія

¹ Тур. дѣла, св. 14, 1713 г., № 7. — ² Тур. дѣла, св. 13/с, 1712 г.; статейный списокъ Шафирова, л.л. 1050—1055.

и святаго вашего начальника, дабы вседержавная его сила отъ всякаго зла и нужды свободила. А которые учинили, или чинять, или будутъ чинить противное, сирѣчь, или пріятель (т. е. валахскій воевода) или иной кто, то да воззрѣть на того Божія справедливость и да погубить отъ привременной и будущей жизни. Смотрю съ одной стороны, что почтеннѣйшіи твои товарищи праведно поступаютъ о письмахъ (пропавшихъ); но съ другой стороны разсуждаю, для чего бы пріятелю (т. е. валахскому воеводѣ) учинить такую лесть, и послѣ, ежели имѣлъ злое намѣреніе, то для чего бы прислать и сіи послѣдніе письма? Обаче къ нему пишу съ прилежаніемъ и како придетъ отвѣтъ — увѣдомлю, да реку, что пріятель не былъ правый, но лукавый и на вѣки... Объявляютъ почтеннѣйшіи твои товарищи, что я не писалъ до нихъ особно, — но да вѣдаютъ, что я ихъ честность не имѣю особливими отъ честности твоей, но едино-душу и единъ смыслъ. Второе, отъ многихъ лѣтъ съ честностью твоею я обyklъ. Третіе, что есть бѣдства много простиратися письмамъ, а подлинно, что ни по какому образу не есмь извѣстенъ въ ихъ переводчикахъ, понеже суть западные и честность твоя изволишь знать вельми изрядно непрестанную брань, которую имѣю“. Въ заключеніе Хрисанѣвъ заявляетъ: „зѣло я нынѣ испужался... ибо вижу устремленіе гнѣва и что другимъ намѣреніямъ разсуждаютъ пишемое, хотя я всегда молю Святаго Бога о здравіи и мирномъ вашемъ состояніи, якоже я былъ, есмь, буду елико возможно всегда въ нелестной и чистой совѣсти вашъ“¹.

Добрыя отношенія между нашими послами въ Турціи и Хрисанѣомъ стали было возстановляться. „Вѣ-

¹ Ibid. л. л. 1041—1049.

домо буди, пишетъ Хрисанѣвъ Шафирову (1713 г.), что здѣшнее все есть неизвѣстно, непостоянно, перемѣшано, въ единой сентенціи нестоятъ... Студеность, которая было воспослѣдовала между честностію твоею и между пріятелемъ (валахскимъ воеводою) уже прошла, понеже я не допустилъ оной вкоренятися, зане здѣсь нѣтъ прибыли въ томъ, но надобно предпочитать паче всѣхъ вѣру и презирать всѣ иные вещи, хотябъ были вредительны, хотябъ полезны, ради приращенія и утвержденія оныя вѣры“. Хрисанѣвъ особымъ письмомъ просилъ нашихъ пословъ, чтобы они исходатайствовали у нашего правительства освобожденія грековъ Петра и Дементія, которые Эргакіемъ были оговорены въ томъ, что они хотѣли отравить государя, почему были арестованы и подвергнуты пыткамъ. По этому поводу Шафировъ отъ 19 Іюля 1713 года пишетъ канцлеру: „понеже, государь, какъ онъ святѣйшій патріархъ и помянутой пріятель нынѣ поступаютъ повидимому пріятно и письма наши для отсылки въ Кіевъ во время нужное примали, такожъ и о нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ насъ увѣдомляютъ, нынѣ и впредь то чинить обѣщаются; того ради просимъ ваше сіятельство: изволите для удовольствия его, святѣйшаго патріарха, такожъ и для примиренія съ тѣмъ господаремъ, хотя для лица (для виду), исходатайствовать его царскаго величества указъ“ объ оовожденіи арестованныхъ грековъ, совѣтуетъ посланныхъ господаря по обычаю одарить и всѣмъ удовлетворить, и въ заключеніе замѣчаетъ: „а не худо бы, государь, еслибъ изволили отозваться къ государю и къ патріарху за то и съ благодареніемъ на письмѣ, *ибо хотя на нихъ вовсе надѣятся и немочно, однакожъ лучше, чтобы не были явными непріятелями*“. На это доношеніе канцлеръ Головкинъ отвѣчалъ: „о

мултянцахъ, что писалъ къ намъ іерусалимскій патріархъ, о Петрѣ и Диментіи, и я милости вашей о томъ объявляю, что оные взяты на Украинѣ въ шпіонствѣ, по доношенію о томъ вѣрныхъ людей и здѣсь пытаны, только не гораздо жестоко. И хотя правда въ томъ не винулись, *однако по встѣмъ признакамъ оные были посланы въ шпіонахъ*, того ради отосланы были отсюда въ Знаменской монастырь, откуда ушли и, можетъ быть, что сами они уже заявили въ мултянской землѣ“.

Въ письмѣ къ Шафирову отъ 11 Мая 1713 года Хрисанеъ между прочимъ извѣщалъ, что онъ готовъ пересылать всѣ письма посла по принадлежности и затѣмъ пишетъ: „болѣзненно мнѣ, что, какъ вижу, не знаете, какія намъ вещи воспослѣдовали прошлаго году о прощеніи вашихъ отступниковъ (т. е. бѣжавшихъ въ Турцію казаковъ) и какой подвигъ и трудъ мы подъяли и сколько противностей, чтобъ не дать имъ прощенія, къ чему насъ многообразно принуждали господа наши, и чтобъ иному не быть хиротонисану вмѣсто старой обители, о чемъ зѣло пріискивали. И я самъ говорилъ прежде бывшему іконому (Юзуфъ-папѣ), чтобы насъ въ томъ не принуждали, понеже есть противно вѣры нашей и ни по какому образу учинить того невозможно, кромѣ только ежели похотятъ, то насъ да умертвятъ. Для того честность ваша нынѣ изволите писать, чтобы тому не быть, и да будетъ увѣдомленіе, что ниже было, ниже будетъ. Однакожъ, ежели придутъ или въ церковь или къ намъ (казаки), то невозможно, чтобъ ихъ не принять, какъ и учинилось, понеже они пришли съ указомъ, то мы не можемъ учинить иначе, кромѣ того только, аще похощемъ безъ нужды быть жертвою, которыхъ чтобъ обратить къ соборному ихъ пастырю“. Въ отвѣтномъ письмѣ на это

сообщеніе Шафировъ проситъ Хрисанеа склонить бѣжавшихъ въ Турцію казаковъ, возвратиться въ Россію, обѣщая имъ отъ имени государя полное помилованіе. Хрисанеъ взялся за это дѣло и повелъ его успѣшно. Въ письмѣ изъ Адріанополя къ канцлеру отъ 14 Августа 1713 года Шафировъ пишетъ: „нѣкоторые изъ измѣнниковъ казаковъ знатныхъ отозвались къ нему (патріарху Хрисанеу), что желаютъ паки возвратиться подъ его царскаго величества руку, но токмо опасаются за вины свои отмщенія, а имянно: просятъ нынѣ того прощенія бывшей полковникъ прилуцкой Горленко, писарь Максимовичъ, да булавничей, и для того онъ, святѣйшій патріархъ, желалъ отъ меня на то обнадеживанія: изволить-ли его величество указать принять и въ винахъ ихъ простить, и дабы въ томъ его обнадежилъ, что они приняты будутъ и въ житіи своемъ будутъ безбѣдны и возымѣютъ свои худобы, и требовалъ у меня въ томъ христіанскаго увѣренія“. Это увѣреніе посоль далъ и теперь проситъ канцлера, чтобы устроено было безпрепятственное возвращеніе измѣнниковъ, въ чемъ ихъ уже обнадежилъ патріархъ Хрисанеъ.

3 Ноября 1713 года наши послы въ Турціи пишутъ государственному канцлеру Головкину: „понеже, государь, какъ онъ, святѣйшій патріархъ, такъ и мултянской государь повидимому нынѣ являются къ намъ склонны и увѣдомляютъ о нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ, такожъ посылаютъ письма чрезъ людей своихъ на Вѣну и оттуда привозятъ къ намъ почту“, и такъ какъ патріархъ проситъ у государя милости, „пожаловать во іерусалимскую церковь сосуды золотые“, то послы и даютъ отъ себя совѣтъ исполнить эту просьбу патріарха.

Въ 1713 году патріархъ Хрисанеъ писалъ отъ себя

и къ кіевскому губернатору князю Голицыну, заявляя, что писаніе Голицына отъ 20 Января онъ получилъ и выразумѣлъ, но такъ какъ условной цифири для переписки у него нѣтъ, то онъ и отказывается впредь продолжать переписку. Затѣмъ Хрисанеъ пишетъ Голицыну: „а понеже изволилъ напомнить, что вѣчныя памяти въ Бозѣ упокойный мой дядя былъ ревнитель по благочестіи и вашему народу російскому доброжелатель и его царскому величеству горячій богомолецъ, и то есть истинная правда. Но и мы послѣдовали тѣмъ же его стопамъ съ тишайшимъ благоговѣніемъ и истинною любовію и бѣдствованіемъ не точію о моемъ житіи, но и о всемъ сродствѣ, для умноженія православія и славы ради службы пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, и какъ во всемъ обрѣтаюся, такъ и до конца живота моего неоставлю и Бога святаго представляю въ томъ; а понеже не послѣдовали дѣла по нашему желанію, и то отъ воли Божіей и для причинъ намъ неизвѣстныхъ. И послѣ сего многая нечаемая словеса услышалъ о подозрѣніи не токмо на меня, но и на иныхъ пріятелей давнихъ и праведныхъ и вѣрныхъ къ его царскому величеству, которые не малое терпѣніе и бѣдство принимали за его величества имя. И сіе бысть мнѣ отъ всѣхъ скорбей наибольшая скорбь, что оставляю всевидящему Богу, чего и въ мысли моей не было. И за какую мнѣ причину то учинить? Или не есть мы христіане, или не памятуемъ на Божій судъ и на воздаяніе? По дѣломъ сія бысть: первая причина, что не писали мы въ то время до вашей свѣтлости, понеже отъ вашей стороны подъ зазоромъ были есмы; вторая причина была — небезпечность дороги; третья, понеже что случилось царскаго величества посломъ и то не было утаено, и чаю отъ иныхъ многихъ

то было слышно. Нынѣ убо, приѣмше ваше честное писаніе, порадовался видя, *яко еще имянуете насъ христіанами и свойственными, а не продателѣй благовѣстія*, — слава буди Богу Святому! Сообщивъ затѣмъ нѣкоторыя турецкія вѣсти, Хрисанеъ говоритъ, что турки желаютъ теперь мира, а если они усиленно и готовятся къ войнѣ, то потому единственно, что думаютъ, будто царь не согласится на миръ. „А по моему разсужденію, замѣчаетъ Хрисанеъ, въ сихъ временахъ для пользы и благосостоянія православнаго народа мнится лутчи быти и разсуждати о мирѣ нежели о войнѣ или безчестіи“, и только покончивши борьбу съ сосѣдями, слѣдуетъ потомъ обратиться противъ турокъ. Патріархъ проситъ князя Голицына: „прошу, дабы никтоже отъ тѣхъ, которые обрѣтаются при васъ отъ сихъ сторонъ, не вѣдали, что имѣемъ корреспонденцію съ вами чрезъ писаніе“, говоритъ, что въ Августѣ или Сентябрѣ онъ пріѣдетъ къ валахскому воеводѣ и если государь захочетъ, пусть приплетъ туда довѣренное лицо, знающее греческій и латинскій языкъ, „съ которымъ бы могли разговоритца“. Но посылки такого лица отъ нашего правительства къ патріарху въ Валахію не послѣдовало и всякія дальнѣйшія сношенія нашего правительства съ Хрисанеомъ, какъ политическимъ агентомъ, окончательно прекратились¹.

Такимъ образомъ патріархъ Хрисанеъ, занявъ мѣсто дяди своего Досиея на іерусалимской кафедрѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ и при русскомъ правительствѣ тоже самое положеніе, какое ранѣе занималъ при немъ Досией. Это совершилось тѣмъ скорѣе и легче, что Хрисанеъ ранѣе два раза лично побывалъ въ Москвѣ и при тайныхъ сношеніяхъ съ русскимъ правитель-

¹ Тур. дѣла, св. 14, 1713 г. №№ 4, 7; св. 14/6, 1713 г. № 22.

ствомъ Досиеея былъ его довѣреннымъ лицомъ, вслѣдствіе чего наше правительство видѣло въ немъ прямого продолжателя дѣла Досиеея, — служить всѣми силами и средствами интересамъ Россіи, и сразу отнеслось къ нему съ полнымъ довѣріемъ. На предложеніе Хрисанеа такъ же служить Россіи, какъ служилъ его дядя, сейчасъ же отозвались особыми письмами не только канцлеръ и посоль въ Турціи Толстой, но и самъ государь. Однако близкія, основанныя на полномъ довѣріи отношенія нашего правительства къ Хрисанеу продолжались очень недолго. Съ одной стороны самъ Хрисанеу не выразилъ на дѣлѣ особой охоты посылать свои политическія отписки непосредственно русскому правительству: послѣ посылки въ Москву двухъ-трехъ грамотъ его непосредственная переписка съ нашимъ правительствомъ прекращается навсегда; съ другой стороны и русское правительство, въ лицѣ своихъ тогдашнихъ пословъ въ Турціи: Шафирова, Шереметева и Толстаго, отнеслось скоро къ Хрисанеу съ недовѣріемъ, такъ какъ заподозрило его преданность и вѣрность Россіи. Шафировъ, въ своихъ донесеніяхъ канцлеру, довольно рѣшительно обвинялъ Хрисанеа и его пріятеля, валахскаго воеводу Бранкована, въ измѣнѣ Россіи и въ преданности туркамъ, и если считалъ нужнымъ поддерживать съ нимъ сношенія и даже переписку, то только „для виду“, чтобы не имѣть его „явнымъ непріателемъ“. Хрисанеу скоро замѣтилъ эту перемѣну въ отношеніяхъ къ нему русскаго правительства, узналъ о ея причинѣ и поспѣшилъ оправдать предъ русскими послами и себя и Бранкована. Послы показали видъ, что вѣрятъ этимъ оправданіямъ патріарха, даже снова вступили съ нимъ въ переписку, по прежнему стали давать ему порученія, получали отъ него нѣко-

торыя свѣдѣнія, пересылали чрезъ него свои отписки правительству, но разъ разрушенное довѣріе къ нему уже болѣе не возстановлялось. Хрисанеу долженъ былъ убѣдиться, что хотя русскіе еще и признаютъ его „христианиномъ и свойственнымъ, а непродателемъ благовѣрія“, однако на дѣлѣ по прежнему смотрятъ на него очень подозрительно и не вѣрятъ болѣе въ искренность его преданности интересамъ Россіи. Тогда Хрисанеу окончательно прекратилъ свое служеніе Россіи, въ качествѣ ея тайнаго политическаго агента въ Турціи.

Въ лицѣ Хрисанеа іерусалимскіе патріархи навсегда отказались отъ дальнѣйшихъ политическихъ услугъ Россіи. Прекращеніе этого рода службы іерусалимскихъ патріарховъ, которую они такъ ревностно исполняли болѣе столѣтія и которая въ послѣдующее время никогда уже болѣе не возобновлялась, зависѣло не отъ того только обстоятельства, что наше правительство заподозрило искренность преданности патріарха Хрисанеа интересамъ Россіи, — это повело-бы только къ разрыву сношеній съ самимъ Хрисанеомъ, но не съ его преемниками. Причины этаго явленія въ дѣйствительности лежали глубже и заключались въ слѣдующемъ.

Россія до начала XVIII вѣка не имѣла при иностранныхъ правительствахъ своихъ постоянныхъ пословъ, а между тѣмъ потребность знать все, что дѣлается у ближайшихъ сосѣдей, особенно въ Польшѣ, Крыму, Турціи, становилась съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе настоятельно. Этой потребности отчасти удовлетворяли различные просители милостыни, являвшіеся въ Москву съ различныхъ концовъ православнаго востока, которые обязательно давали въ Посольскомъ приказѣ показанія о тѣхъ странахъ, чрезъ которыя они проѣзжали на пути въ Москву, и о всѣхъ политическихъ

событіяхъ, которыхъ они были или сами очевидцами, или о которыхъ слышали отъ другихъ. Понятно, что получаемыя такимъ путемъ свѣдѣнія были очень отрывочны, часто не вполне достовѣрны, а въ большинствѣ всегда не новы, почему наше правительство и постаралось набрать изъ просителей милостыни цѣлый особый штатъ тайныхъ политическихъ агентовъ, которые бы, проживая въ Турціи, съ одной стороны, особыми отписками своевременно извѣщали наше правительство о всемъ, что дѣлается въ Турціи, съ другой — своими свѣдѣніями, совѣтами, указаніями и возможными связями при турецкомъ дворѣ помогали-бы нашимъ посламъ, отправляемымъ въ Турцію. Последнее было особенно важно въ глазахъ нашего правительства. Наши послы, время отъ времени посылаемые въ Турцію, содержались тамошнимъ правительствомъ какъ бы подъ арестомъ: они жили подъ бдительнымъ надзоромъ окружавшей ихъ почетной стражи, до окончанія всѣхъ своихъ посольскихъ дѣлъ не могли входить въ сношенія ни съ какими посторонними лицами и потому, живя гдѣ нибудь въ Константинополѣ или Адрианополѣ, часто совсѣмъ не знали, что дѣлается кругомъ ихъ, не знали какъ имъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Совѣты, указанія и разныя свѣдѣнія, тайно сообщаемыя имъ хорошо знакомыми „съ турецкими поведеніями“ мѣстныхъ агентовъ изъ грековъ, были поэтому для нихъ очень важны, а часто и рѣшительно необходимы, почему всѣ наши послы въ Турціи крайне дорожили услугами этихъ агентовъ, а наше правительство и даже сами государи всячески старались поощрять особенно ревностныхъ и опытныхъ изъ нихъ, какимъ, на примѣръ былъ патріархъ Досиѳей. Но понятно само собою, что положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи должно было рѣ-

шительно измѣниться, когда, съ начала XVIII вѣка, при турецкомъ дворѣ учреждено было постоянное русское посольство, которое находилось въ постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ и представителями при немъ другихъ державъ, получало всѣ свои свѣдѣнія уже изъ первыхъ рукъ, и потому самому перестало нуждаться въ посредничествѣ и руководствѣ разныхъ случайныхъ греканъ, тѣмъ болѣе, что о политическихъ агентахъ-грекахъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними на мѣстѣ, у нашихъ пословъ составились очень невыгодныя представленія. Подканцлеръ Шафировъ, какъ мы видѣли, доносилъ въ Москву, что грекамъ довѣряться нельзя, такъ какъ „за деньги—и Бога, и вѣру, и душу, и государя своего продать готовы“, что сообщаемыя ими вѣсти „надлежитъ вѣсить на вѣски алмазныя“, что все у нихъ „пахнетъ деньгами“, что въ трудныя времена они „бѣгутъ отъ пословъ какъ отъ чумы“, и между ними не находится „ни пріятеля, ни добраго человѣка“. Съ своей стороны и посолъ Толстой писалъ въ Москву канцлеру: „а грековъ, государь, по приказу твоему отнюдь отпускать къ Москвѣ не буду, понеже, государь, воистинно отъ мала до велика все лгутъ и вѣрять имъ отнюдь не мочно“. Нашъ резидентъ въ Константинополѣ Неплюевъ, въ реляціи отъ 14 Сентября 1723 г., доносилъ государю: „о патріархѣ константинопольскомъ вашему величеству чрезъ сіе всеподданныйше доношу: ко интересамъ вашего величества пользы отъ него никакой быть не можетъ!“¹. Это полное разочарованіе нашихъ пословъ въ Турціи въ полезности для нашего правительства политическихъ услугъ со стороны тайныхъ агентовъ-грековъ, вмѣстѣ съ признаніемъ, что

¹ Тур. дѣла, св. 7, 1706 г. № 3; св. 24 а, 1723 г. № 5.

эти услуги, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, уже болѣе и ненужны, само собою должно было повести къ тому, что служба какъ іерусалимскихъ патріарховъ, такъ и всѣхъ вообще грековъ, въ качествѣ тайныхъ политическихъ агентовъ Россіи въ Турціи, естественно и необходимо, начиная съ XVIII вѣка, должна была постепенно прекратиться, а вмѣстѣ съ этимъ и іерусалимскіе патріархи, въ теченіе столѣтія занявшіе въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ особое исключительное положеніе, неизбѣжно должны были теперь снизойти, при своихъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ, на степень обычныхъ просителей милостыни. Это случилось съ самимъ патріархомъ Хрисанеомъ.

Съ 1713 года Хрисанеъ прекратилъ свою службу русскому правительству въ качествѣ его тайнаго политическаго агента въ Турціи, а вмѣстѣ съ этимъ сами собою прекратились и всякія другія его сношенія съ русскимъ правительствомъ. Такъ продолжалось до послѣднихъ лѣтъ патріаршества Хрисанеа, когда нужда заставила маститаго патріарха не только вспомнить о Россіи, но и искать въ ней помощи бѣдствующей іерусалимской патріархіи. Но теперь Хрисанеъ съ просьбою о помощи обращается уже не непосредственно къ государю, какъ это было ранѣе, а чрезъ посредство Св. Синода, который онъ умоляетъ ходатайствовать предъ верховною властію о помощи Св. Гробу.

Въ Мартѣ 1728 года Хрисанеъ изъ Константинополя прислалъ въ Св. Синодъ слѣдующую просительную грамоту о помощи бѣдствующему Св. Гробу:

„Писалъ нѣкогда Стефанъ, папа римскій, къ константинопольскому самодержцу Василію Македону о милости и помощи къ храму Св. Апостола Петра, который

есть въ Римѣ, не употребляя многословія, но токмо—яко Святый Петръ лишается елея ради возженія. Посылающе убо и мы сего преподобнѣйшаго духовника и архимандрита, суца подъ нами апостольскаго престола, господина Германа къ стопамъ еже отъ Святаго Бога православнѣйшаго самодержавнаго державства, иного необъявляемъ священному и святому вашему братству, токмо просимъ, дабы было внушено и извѣщено чрезъ васъ отъ всего сердца благовѣнчанному и самодержавнѣйшему Верху о святѣмъ и поклоняемомъ Гробѣ Господа нашего, имъ же свободу и спасеніе бысть всему человѣческому роду, не токмо просто лишене сущемъ елеа, но и углублени въ тягчайшія и несносныя долги, да покажетъ благоутробіе самодержавныя помощи на облегченіе и свободу долга чрезъ щастливое посредство и ходатайство божественное вашея братскія любви. Къ сему же просимъ, да покажете и иное всякое снисходительство и помощь святѣйшее ваше братство и отъ васъ самихъ и отъ прочихъ благоговѣйныхъ и боголюбивыхъ православныхъ христіанъ, да будутъ причтены благочестивыя всѣхъ имена въ поминовеніе, якоже въ земномъ Іерусалимѣ, такожь и въ вышнемъ — небесномъ въ славу и полученіе блаженства вѣчнаго.

„Съ симъ же архимандритомъ посылаемъ благопроставленному державству едину краткую исторію и описаніе святыхъ земли и прежняго изданія и потомъ бывшихъ возобновленій божественнѣйшаго храма Господня Воскресенія съ преисполненною надеждою, что имѣетъ преведена быти на вашъ російскій діалектъ тщаніемъ вашего благочестія и объявлена самодержавству.

„Болѣе не пишемъ вамъ времени не допускающу, обаче приказали мы сему архимандриту, да будетъ живое посланіе наше въ прочихъ нуждахъ, о которомъ

просимъ, дабы соизволили благопріятно предлагаемая отъ него выслушать и принять за вѣроятіе совершенное. Сице паки молимъ, или истиннѣе рещи: тако молитъ чрезъ насъ (братія возлюбленная) на Святѣй Голгофѣ Распятый, Упразднивый имущаго державу смерти, и во Святѣмъ Гробѣ Погребыйся и изъ него Воскресый, и на горѣ Святѣй Елеонстѣй Вознесшійся на небеса и Обо-живый естество наше, сѣде одесную славы Отчи, показавъ насъ наслѣдники убо Бога и Отца своего, сна-слѣдники же Его, иже и да сохранить боговѣчнннѣе высоту, якоже и ваше священное братство, многѣмъ и всеблагополучны на земли, на небеси же прославлены“.

Въ другой грамотѣ Св. Синоду отъ 29-го Сентября 1730 года Хрисанѣ послѣ вступленія, въ которомъ онъ заявляетъ, что настоящія времена „непопускають простирати намъ пера ширше и обильнѣ“, пишетъ, что Св. мѣста „обрѣтаются въ великой нуждѣ отъ тяжкихъ долговъ, тѣмъ же и помощи ко облегченію сихъ и иныхъ нѣкихъ нуждныхъ дѣлъ посылаемъ ради поклоненія стопамъ Богомъ прославленныя и православнѣйшія державы“ архимандрита Германа, „и просимъ братскія вашея любви показать къ святынѣ его утробы щедротъ и человеколюбія, и дабы объявленъ былъ ради поклоненія благочестивѣйшему самодержавству и удостоенъ всякаго защищенія и помощи обще и особливо и, просторѣщи: да возвратится яко лоза плодovitа во Святѣй градъ Іерусалимъ, ово убо ради облегченія тяжчайшаго долга Св. Гроба, овоже ради и утѣшенія тамо обрѣтающихся святыхъ отецъ, иже неусыпно и непрестанно храняще даже до крове честная оная мѣста и подви-зающа на сопротивныя вѣтры еретическія, сирѣчь, и внѣшнихъ и иныхъ языковъ, молятъ прилежно всегда

и обще и особъ, якожъ и мы, о здравіи, державѣ и побѣдѣ на враги видимыя и невидимыя, о распростра-неніи предѣловъ, о разширеніи Богомъ прославленныя державы, такожде и о святѣйшемъ священномъ Синодѣ и о прочемъ святыхъ церкви состояніи.“ Въ заключеніе патріархъ снова проситъ св. Синодъ о всемъ выслу-шать посланнаго архимандрита и оказать ему во всемъ помощь и содѣйствіе¹.

Такимъ образомъ уже самъ патріархъ Хрисанѣ, въ концѣ своего патріаршества, долженъ былъ въ отно-шеніи къ русскому правительству низойти на степень обычнаго просителя милостыни, долженъ былъ обра-щаться къ верховной русской власти не непосредственно, какъ это было съ нимъ ранѣе, а при посредствѣ св. Синода, въ рукахъ котораго съ этого времени посте-пенно и начинаютъ сосредоточиваться всѣ сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ нашимъ правительствомъ. Этотъ измѣнившійся характеръ сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, низведшій ихъ въ рядъ обычныхъ просителей милостыни, начав-шійся съ послѣднихъ годовъ патріаршества Хрисанѣа, неизмѣнно продолжался и при преемникахъ Хрисанѣа до конца XVIII столѣтія.

¹ Архивъ св. Синода № 215—1731 г., Окт. 8 дня.